

Мария Герус

Крылья

Иллюстрации
Анны Жукоской

Москва • «Никея» • 2021

никея

*Мне часто снится,
будто я птица...*

никея

Часть 1

Падение

никея

Глава 1

Его прозвали Королем крыс. Или просто Крысой. Хотя на крысу он совсем не похож. Долговязый, тощий, прямой, как столб. При такой худобе одежда должна болтаться как на вешалке, но куртка, серая не то от пыли, не то от перхоти, и бриджи, заправленные в узкие остроносые сапоги, сидят на нем плотно, как вторая кожа. Казенную алую мантию он просто набрасывает на плечи, и каждому ясно, какое все это старое, засаленное и потертое. Есть у него под курткой рубашка или нет? Должно быть, нет. Волосы гладко зачесаны назад и завязаны туго-натуго, аж кожа на лбу натянута. Вместо щек — ямы, глаз не видно под тяжелыми веками, подбородок выпирает, скулы торчат.

Скелет. Мертвая голова. Самое подходящее для него прозвище, если бы не прическа. Хвост длиннее, чем у городских щеголей. Те тоже сейчас норовят отрастить хвосты ниже пояса. Ничего не поделаешь, мода. Но щеголи свои волосы хотя бы иногда моют. Моют, расчесывают, завивают, подвешивают на концах локонов драгоценные бирюльки. А наш Крыса? Чем у него хвост завязан? Бархатной лентой со стразами? Шелковым шарфом с вышивкой? Кожаным ремешком

с изящным тиснением? Не-ет... Шнурком от ботинка. Скрученным таким шнурочком с торчащими на концах нитками. Из-под шнура топорщится нечто вроде перьев мокрой вороны. Сивые лохмы лежат на плечах неопрятной мочалкой. Мочалка постепенно сужается книзу, так, что ниже пояса мотается одинокая сальная прядь, как две капли воды похожая на скользкий крысиный хвост.

Варка как-то окунул этот хвостик в чернильницу. Уж очень соблазнительно тот болтался. Но что последовало потом... До этого они не знали, что может сотворить с человеком Крыса. При одном воспоминании Ланка зажмурилась. Кры-ы-ыса. Его Величество Король крыс.

— Илана Град, встаньте.

Ланка дернулась так, что чуть не опрокинула чернильницу. Хорошо, Варка подхватил. Пришлось встать. Кажется, она слишком долго пялилась на несказанную красоту Крысеныша. Он заметил, но не оценил.

— Илана Град, будьте добры, покажите ваши записи.

Ах, записи? Да пожалуйста, сколько угодно. Портретов прапорщика Алекса она в этой тетради больше не рисует, переписку с Варкой не ведет. Наоборот. Там даже написано кое-что. Тема урока и всякое такое.

— Илана Град, что такое анафора?

Ланка обреченно уставилась в тетрадь. Никакой афонары, или как ее там, в тетради, конечно, не было. Варка, застыв как памятник и глядя строго перед собой, пытался что-то подсказать углом рта. Разобрать было ничего нельзя, но смелость Ланке понравилась. Варка вообще человек отчаянный. Знает, что Крыса его терпеть не может, а не боится.

— Хелена Фам, встаньте и повторите, что я говорил об анафоре.

Щуплая остроносовая Фамка вскочила и пропищала как по писаному:

— Анафора есть единоначалие или повторение начальных отрезков речи, состоящих из двух и более слов, дабы придать тексту связность и ритм.

— Хелена Фам, Илана Град. Садитесь. Ваши успехи будут отмечены в матрикуле.

Илана с облегчением села. Пусть отмечает, что хочет. На Фамку она почти не сердилась. Фамка — нищета убогая, и деваться ей некуда. Не будет учить — живо вылетит из лицеума.

— Итак, анафору используют для того, чтобы... — забубнил Крыса, удаляясь в сторону восточного окна.

— Плюнь и забудь, — прошептал Варка, — щас мы ему устроим.

«А кто бросит? — застрочила в тетради Илана, изображая крайнее прилежание, — ты?»

— Не, Илка. Про розмарин помнишь?

Илана кивнула и осторожно покосилась на Илку. Пользуясь тем, что Крыса был далеко и, задрав подбородок, таращился в восточное окно, Илка широко улыбнулся и многозначительно похлопал по плотно закупоренному кругленькому горшочку.

Горшочек отозвался тихим гулом. Илка осторожно засунул его поглубже в торбу. Крыса отвернулся от окна и с отвращением уставился на класс. Впрочем, он всегда смотрел на учеников как на скопище дохлых мух.

Илана поспешно склонилась над тетрадью. Толстая коса сползла с плеча. Золотистые локоны вились по щекам и стройной смуглой шее, сияли под осенним

солнцем, как сверкающая корона. Илка зацепился взглядом за утонувшее в золотом тумане нежно-розовое ушко и принялся страдать. Вникать в бормотание Крысы о роли анафоры это не мешало.

Скрипя пером и тяжело вздыхая, он размышлял о своей несчастной доле и прекрасной, но, как оказалось, на редкость тупой Ланке. Такая же дура, как все бабы. Все, как козы, в Варку влюблены. А он и рад. Котяра весенний. Чего они в нем находят? Мужчина должен быть крепким, солидным, основательным. Илка повел пухлыми плечами, плотно обтянутыми черной саржей, незаметно согнул левую руку. На руке явственно обозначились мускулы. Даже под курткой видно. И отец у него гораздо богаче, чем у Варки. Городской старшина его отец. Это вам не кошкин хвост. А Варкин — всего лишь старшина цеха травников. Но Ланочка с этого года все к Варке липнет. Ах, высокий! Ах, стройный! Ах, белокурый!

Илка с ненавистью покосился на Варкину спину, покрытую плащом прямых, очень светлых, почти белых волос. Ага-ага, страсть как красиво. Вон какие лохмы отрастил. И не придерешься, все по правилам, точно на ладонь ниже линии плеч.

Илка почесал свою собственную шевелюру, которая никак не желала изящно спадать на плечи, а почему-то все время норовила притвориться копной сена. Во как, у кого-то копна, а у кого-то не волосы, а русалочьи локоны, не глаза, а синие очи, нос прямой, щеки загорелые и, как назло, ни единого прыща. Мать ему, должно быть, настой от прыщей варит. Губы розовым бантиком, на левой скуле родинка... Девка, как есть девка.

Будто прочтя его мысли, Варка, не оборачиваясь, показал кулак. Кулак был не очень крупный, исцарапанный, в цыпках, но в его крепости и силе удара Илка убедился самолично. В прошлом году они то и дело дрались. Дрались по любому поводу, из-за Ланки, из-за Петкиной Светанки и просто так. Побить Варку было трудно, а в одиночку почти невозможно. В драке синеглазый красавчик зверел. Он никогда не убегал, никогда не орал: «Нечестно, трое на одного!» Да он и на четверых как-то раз бросился с боевым воплем. Во дурак-то. Отметелили его тогда как следует, целую неделю потом дома провалялся. Ему еще повезло, что отец у него травник.

Но это не помогло. Ланка все равно к нему липнет. И Светанка... И Фионка... И прочие курицы. Дружкам Илки надоело ходить в синяках, они начали роптать, и Илке пришлось прекратить военные действия. Теперь они сохраняли вооруженное перемирие, но Илка чувствовал, что долго не выдержит.

Впрочем, нынешний акт возмездия, последний отчаянный шаг в борьбе с ненавистным Крысой был задуман совместно. Как бы то ни было, а от Крысы они сегодня избавятся. Хотя бы на время. План Илка придумал сам. Хороший план, почти безупречный. Варка, который лазит как ящерица, раздобыл начинку для горшка. Розмарином от него потом несло как от городского франта перед Купальским балом. Но без розмарина ничего бы не вышло.

А Илка вызвался бросить. Во-первых, затем, чтобы показать Ланке, что он ничуть не хуже Варки. А во-вторых, он все-таки сын городского старшины, из лицеума его все равно не выкинут. Он же не Фамка какая-нибудь убогая.

Лицеистку Хелену Фам мутило от голода. Мутило так, что наполненные бледным светом высокие окна медленно плыли перед глазами, а белый купол потолка плавно вращался, тихо затягивая в беспамятство. Так уже бывало. Но дома, в Норах. Здесь в обморок падать никак нельзя... Хуже всего было то, что из Илкиной торбы нестерпимо пахло пирогами. Маслом пахло, капустой, луком, тушенкой с домашними специями. Да еще этот горшочек с круглыми аппетитными боками. Что в нем? Обычно в таких держат сметану. Или домашние сливки. Или розовое желе из трав и ягод. Рот медленно заполняла жгучая голодная слюна. Последний раз Фамка ела позавчера. Обедала, если можно назвать обедом полфунта черных бобов, сваренных почти без соли и очень скудно сдобренных конопляным маслом. На этом еда в доме кончилась.

В Норах голодали уже давно. Пару недель назад с Рынка-на-Болоте окончательно исчезли соль, масло, мука с половой и даже лежалая дешевая репа. Говорили — нет подвоза. Говорили — дороги перекрыты. Кем перекрыты и почему — никто не знал. Слухи в Норах ходили самые дикие. Будто бы самозванец наголову разбил королевские войска под Белой Криницей и через три дня будет в городе. Будто бы объявился еще один самозванец, будто бы он настоящий король и есть. Города берет — как орехи щелкает, и если какой город возьмет, сразу же в богатые кварталы, всех там вешает, а имущество раздает бедным. Будто бы король поссорился с наместником и намерен наместника казнить. Наместник же, не будь дураком, собирает войско, так

что не миновать новой осады. Будто бы кто-то разбудил псов войны, и теперь будет голод и страшный мор. Все умрут, потому что страна навеки проклята.

Фамка слухам не верила, не пугалась и не удивлялась. Война началась еще до ее рождения, то подступая к самому городу, то откатываясь в такие края, о которых в Норах никто даже не слышал. Фамка на своем коротком веку успела пережить два успешных штурма и одну осаду. Во время штурмов она была еще маленькая и ничего не запомнила, кроме большого пожара в порту. Потом жители Нор долго бродили на пепелище, надеясь чем-нибудь поживиться. Во время осады, которая случилась пять лет назад, в Норах тоже не произошло ничего особенного, кроме голода и поветрия черной горячки. Но город самозванцу не сдался, по реке худо-бедно подвозили продовольствие, через месяц подоспели королевские войска, а от горячки почти никто не помер. Это болезнь легкая, не смертельная. Фамка два раза болела, и ничего.

Теперешний голод был куда страшнее. Порт опустел, река как будто вымерла. Денег на разносолы в хороших лавках Гнезд у них не было, потому что они с матерью никогда ничего не могли откладывать, разве что самую малость. Что заработают, то и потратят. Нет работы, нет и денег. Мать плела корзины на заказ, какие угодно, от высоких и жестких, из желтых ильмовых прутьев, до маленьких, изящных и легких, из светлого речного тростника. Из-за них Фамка и угодила в лицеем. Корзиночки всегда заказывала Марилла, Варкина мать. В такие корзиночки в их знаменитой на весь город лавке упаковывали лекарства.

Фамка вечно торчала на реке — то, сидя на дереве, срезала прутья, то по колено в воде собирала тростник,

а по вечерам таскала готовый товар заказчикам. Варкина мать ее привечала, непременно кормила, а потом давала поглядеть раскрашенные картинки, между делом показывала буквы. Как-то незаметно для самой себя Фамка научилась читать, и оказалось, что ей это очень даже нравится. Между прочитанными историями возникают связи, одно противоречит другому, противоречия требуют разрешения, рождаются вопросы. Спросить было не у кого, кроме как у той же Мариллы. После одного из таких вопросов Марилла вдруг изменилась в лице, приказала в следующий раз непременно прийти с матерью, мать поворчала, но пришла, а потом долго плакала. Оказалось, что у Фамки мозги набекрень. Вовсе тронутая. Впрочем, Марилла назвала это — «выдающиеся способности». Варкин отец ходил к городскому старшине, городской старшина лично договорился с Главным мастером Королевского лицеума, и Фамку взяли в этот самый лицей совершенно бесплатно. Поношенную форму подарила одна из богатых подруг Варкиной матери, две дочки которой уже выучились и благополучно вышли замуж. Зачем для этого надо было столько учиться, Фамка не понимала. Но у богатых свои причуды. Стопу книг, тетрадей и письменные принадлежности Фамке вручил лично Главный мастер. При этом он произнес речь. Из речи следовало, что в знак признательности за все эти благодеяния Хелена Фам должна учиться по меньшей мере блестяще и строго соблюдать лицейские правила.

Учиться и соблюдать Фамке было нетрудно. Вставать в пять утра и пешком тащиться из родимых Нор аж к самым Садам было гораздо труднее, особенно на голодный желудок. Самым трудным поначалу были

ежедневные встречи с дорогими одноклассницами, со всеми этими Иланами, Светанами и Любавами. Ей припомнили и поношенную форму, и самовязанные толстые чулки, и материнские парадные башмаки на два размера больше, и красные, расцарапанные, распухшие от воды руки, и грязь под ногтями. От грязи Фамка избавиться не могла. Она по-прежнему работала, теперь уже вечерами. Ответить, как полагалось отвечать на Болоте или в сырых тупиках Нор, не смела. Единственной возможностью выбраться из Нор и вытащить оттуда мать был лицеум. Так что Фамка терпела все.

Впрочем, прекрасная Ланочка и ее прихлебатели отстали на удивление быстро, примерно месяца через два. Наверное, Варка вступился. Девчонками он вертел как хотел, а Фамке вроде как покровительствовал. Должно быть, мать велела. Надеяться, что Варка питает к ней какие-то нежные чувства, было смешно и глупо. Умная Фамка и не надеялась. Поэтому, когда перед уроком он вручил ей веточку розмарина, она удивилась до остоленения.

— До конца урока не выкидывай, — приказал он мрачным шепотом, и Фамке сразу полегчало. Просто-напросто в классе затевалось очередное развлечение. Опять, наверное, Крысу травить будут. Ишь, чего захотела — цветы от Варки. Он и Ланке-то цветов не дарит.

Варка был принц из другого мира. Из мира, где водятся распрекрасные Иланы, где носят шелковые чулки, надушенные нижние юбки, обувь по ноге и обедают каждый день.

Про обеды Фамка вспомнила зря. Желудок свернулся в тугой ком боли, пришлось положить перо и скрючиться над столом, ожидая, пока пройдет приступ.